

Александр Галушкин

У «Зеленой стены»

Евгений Замятин в «задержанной» эмиграции

В романе Евгения Замятина «Мы» мир разделен на две части: фантастический город обнесен огромной «Зеленой Стеной», отделяющей рационализированное общество будущего от мира дикой природы, в котором живут повстанцы-«мефи». Выйти за эту стену — значит перейти в другое состояние, начать жить другой жизнью.

Замятин закончил роман в конце 1921 года и вряд ли предполагал, что ему самому очень скоро придется проверить свою метафору на практике.

История ареста и несостоявшейся высылки Евгения Замятина в 1922-1923 гг. уже освещалась на страницах «РМ»: в №№4010-4011 за прошлый год была напечатана работа Григория Файмана «И всадили его в темницу...». Извлеченные публикатором из архива ФСБ материалы — не только яркий документ советской репрессивной политики, но и интересный материал к биографии писателя-«еретика». Почти два года Замятин оставался в неведении относительно своей судьбы, словно воплощая собой понятие «внутренний эмигрант», изобретенное в том же 1922 году Львом Троцким.

Один из основных вопросов, поставленных, но не разрешенных в упомянутой публикации, — вопрос о причинах ареста Замятина: вел ли в действительности писатель некую контрреволюционную нелегальную деятельность, результатом которой и стал его арест (мнение Г.Файмана), или же обвинения в его адрес были, говоря современным языком, «сфабрикованы» в ответ на брошенное Лениным «ату!».

Публикуемые ниже материалы, как мне кажется, дают ответ на этот вопрос, связанный с судьбой не одного только Замятина. Они извлечены из фондов Российского центра хранения и использования современной документации (бывший. Центральный партийный архив) и Рукописного отдела Института мировой литературы РАН; материалы Архива президента РФ любезно предоставлены московским исследователем Н.Г.Охотиным.

Как известно, высылка Замятина в 1922-1923-м годах не состоялась. Но события эти не только повлияли на его общественно-политическую репутацию, но и изменили что-то в самом писателе.

В психологии есть понятие «задержанная реакция». Память о нерализованном действии сохраняется и начинает влиять на поступки и сознание человека как бы исподволь. Нечто подобное, мне кажется, произошло и с Замятиным. С 1922 года он держал эмиграцию, так сказать, «про запас» — и это, кроме всего прочего, придавало ему уверенности и силы.

Это предположение объясняет и ту быстроту, с которой Замятин принял решение об эмиграции семь лет спустя — осенью 1929 года. Почти два года (как в 1922-1923 годах!) ушли на хлопоты об отъезде, который наконец-то состоялся в конце 1931 года. Документы, связанные с этим отъездом, малоизвестны, и настоящая статья, я надеюсь, хоть частично восполнит этот пробел.

Публикацию ее я хотел бы приурочить к памятной дате в истории русской культуры: в августе 1922 года, 75 лет назад, в Москве и Петрограде прошли первые аресты деятелей русской интеллигенции.

1. Акт первый. 1922 год

Евгений Замятин был, наверное, наиболее значительным из писателей, имя которого было включено в проскрипционные списки 1922 года. Под удар советских карательных органов попали прежде всего ученые (естественники и гуманитарии), экономисты, врачи, журналисты и издательские деятели. Список собственно литераторов, насколько мне известно, был невелик и составлялся в большой спешке. (В частности, в одном из отчетов петроградского ГПУ среди «неразысканных» значился «Чаадаев», статья которого «О псевдореволюционерах, приемлющих революцию», в журнале «Утренники» наделала много шума. Разыскать этого литератора было действительно сложно, так как литературные псевдонимы существуют лишь на бумаге. Принадлежал же он Питириму Сорокину, проходившему по этому же списку и впоследствии высланному.)

Со списками литераторов «работала» особая комиссия, состоявшая из (конечно) представителей ОГПУ и других деятелей; в частности, в нее входили

Ю.М.Стеклов — в те годы главный редактор «Известий», И.Ионов — глава Петроградского отделения Госиздата и поэт и П.Лебедев-Полянский — марксистский критик, незадолго до того возглавивший Главлит, а также неизвестный мне Знаменский. Понятие «литератор» толковалось достаточно широко. В числе «литераторов» значились и философы (Н.Бердяев, С.Булгаков, Л.Карсавин, Н.Лосский, С.Франк), и экономисты (Л.Юровский, Д.Лутохин), и юристы (В.Озерцовский, И.Озеров), издательские деятели (А.Измюмов, В.Кудрявцев) и, конечно, политики; собственно писателей было не очень много: Ю.Айхенвальд, Н.Волковсский, В.Ирецкий, И.Матусевич, М.Осоргин, Б.Харитон.

Кандидатуры каждого рассматривались и голосовались. Составители списков не утруждали себя разнообразием в предъявленных «обвинениях». Сообщались, как правило, сведения о дореволюционной партийной принадлежности, резюмировались публикации последних года-двух и пр. Сведения, почерпнутые из агентурных «разработок» и т.п., встречаются очень редко — несмотря на неоднократные попытки, организовать широкую агентурную сеть в начале 1920-х годов не удавалось.

Факты нелегальной контрреволюционной деятельности не фигурировали и при обсуждении кандидатуры Замятина. По крайней мере, это видно из обсуждения так называемого «Списка антисоветской интеллигенции г. Петрограда», в который Замятин был включен вместе с П.Сорокиным, А.Изгоевым, Д.Лутохиным и др.; этот список обсуждался упомянутой выше комиссией 22 июля 1922 года.

«Сотрудник «Летописи» и «Литературных записок». Скрытый заядлый белогвардеец. Он автор нелегальной резолюции, которую он проводил на собрании Дома литераторов, в которой выносилось порицание Андрею Белому за его произведения в защиту Советской России. Выступает в



Евгений Замятин. 1921. Рисунок Ю.Анненкова.

своих литературных произведениях всецело против Советской власти. Он в тесной кампании с бежавшим Ремизовым. Ромизов (так! — А.Г.) это определенный враг, Замятин то же самое. При высылке за границу он сделается опасным лидером. Нужно выслать в Новгород, в Курск, но за границу ни в коем случае».

Рядом с фамилией писателя более поздняя приписка: «Высылка задержана» (позднее эта справка почти слово в слово была повторена в замятинском «деле», см. «РМ» №4111).

В этом замечательном документе неточно, кажется, все или почти все. Неясно, что имеется в виду под «Летописью» — издававшийся ли М.Горьким до революции журнал (в котором Замятин напечатал три сказки) или петроградский журнал «Летопись Дома литераторов», в редакции которого Замятин не числился и в котором ни разу не публиковался. В журнале «Литературные записки» он напечатал только статью о литературной группе «Серапионовы братья». Едва ли не основным обвинением, как видно из документа, является близость к Алексею Ремизову, отнесение

которого к «определенным врагам» советской власти кажется мне, скажу мягко, натянутым.

Еще в 1982 году Д.И.Зубарев высказал предположение, что основанием для высылки Замятина послужила публикация его сказок «Арапы» и «Церковь Божия» в «Петербургском сборнике» (вышел в издании «Летописи Дома литераторов»); эту версию поддержал и я в своей статье об аресте Замятина (опубликована в 1992 году в «нулевом» номере московского журнала «De Visu»). Сегодня я бы выразился точнее: общественная репутация писателя, сформировавшаяся в результате критической кампании. Литературной общественности к тому же было известно, что Замятин был составителем «Петербургского сборника». Одним из рецензентов его был, кстати, и член комиссии ОГПУ по литераторам П.Лебедев-Полянский, писавший в статье «Гершензон и Замятин» (журнал «Современник», 1922, №1) о замятинских сказках: «Старое, когда-то господствовавшее над жизнью, уже поднимает голову, медленно вылезает... вылезает на свет, расправляет свои члены, неся в жизнь свой старый быт, свою идеологию, свою мораль», «действительность создает подходящую литературную среду для буржуазных микробов, для заразы, для эпидемии». А в другой статье — «Принципы пролетарской критики» — в том же номере журнала Лебедев-Полянский прямо называл Замятина виновным в выходе контрреволюционного «Петербургского сборника».

Об аресте Замятина и пребывании его в тюрьме сохранилось много свидетельств (большая часть которых приведена в «De Visu»). Но одно из них оказалось мне неизвестным. Это мемуарный очерк журналиста Н.Волковсского, написанный в связи с кончиной Замятина и опубликованный в рижской газете «Сегодня» 19 марта 1937 года:

«Мы были арестованы с ним одновременно — в ночь на 16-ое августа 1922 года — и оказались в одной густонаселенной камере ГПУ на Гороховой. Никто из нас не знал, что нас всех ожидает. Мы думали, что предстоит отвратительный «показатель-

ный процесс» с выворачиванием всей подноготной жизни, с лживыми, в кривом зеркале отражающими судебные заседания газетными отчетами, которые были в то время в моде.

Замятин сохранял свое обычное внешнее спокойствие. Его длинный, тоненький мундштучок не расставался с сжимавшими его крепкими, ровными зубами, и только это могло быть показателем внутреннего волнения. Во всей его манере держаться было английское спокойствие — не только приобретенное в Англии, но и врожденное.

Его вызвали на допрос первым. Прошел час, пролетел второй, еще кто-то из нашей группы был за это время вызван к следователю. Наконец возвращается Замятин. Порозовели бледные щеки, глаза сверкают непривычным для них блеском.

— Меня высылают в Берлин!

Никто ничего не понял: высылают за границу? Абсурд! Замятин, утративший часть своей английской выдержки, четко, как всегда, тонко и образно передает подробности двухчасового допроса: «Как вы относитесь к профессорским забастовкам, к эсеровскому процессу, что вы думаете о будущем русской эмиграции?» Какой-то бред... Дикое обвинение в «острой борьбе с сов. властью в годы наиболее тяжелого ее положения»... Итог: высылка за границу.

Нельзя было разобраться во всем этом хаосе, но Замятину был важен итог: возможность уехать. Никакой политикой при большевиках (как, кажется, и прежде) он не занимался, но за последнее время все более жестокими становились нападки на него в печати за подписью совершенно неведомых людей, которые впоследствии бесславно исчезли с поверхности, но тогда еще своими писаниями указывали, кого надо «устранить». Замятин был слишком на виду. Его заслуги преподавателя кораблестроения в Политехническом институте никого в то время не интересовали. Важным было то, что его утонченность, его литературная изысканность, его глубокий, органический европеизм был тогда не ко двору. Не интересовали никого и его огромные заслуги в другой, «педагогической» области».

Москва

Продолжение следует.